

В недрах императорского дворца жила наложница[1], которую называли «Вороном». Она была особенной: император никогда не спал с ней, хоть у нее и был статус наложницы. Она тихо жила в сумраке дворца и редко выходила из него. Те, кто видел ее, либо утверждали, что она старуха, либо — что это совсем молодая девушка. Шептались даже, что Ворон — бессмертный мудрец, нет, вернее, жуткий призрак. Поговаривали, что она обладает таинственной силой. И больше всего ходило слухов о том, что если ее попросить, она возьмется за любую просьбу, будь то хоть наложение смертоносного проклятия на ненавистную соперницу, хоть призыв душ умерших, хоть изгнание нечистой силы или нахождение потерянной вещи. Она жила во дворце, но не была из тех наложниц, кого император навещал... Или, по крайней мере, так должно было быть. Той ночью две тени скользнули во дворец наложницы-Ворона.

— Дворец Ямей[2] это только название, да? Идя по мощеной дорожке, освещенной фонарем, который был в руках у слуги, Ка Коушун взглянул на дворец перед собой. Угольно-черные стены дворца Ямей, чье название утверждало, что он ярко освещен даже ночью, были темнее обступившей его тьмы. Если бы вышла луна, то его крыша с голубой черепицей подсвечивалась бы, словно из-за дождя, но, увы, сегодня луну спрятали облака. — Наверное, это потому, что огни не зажгли, — тихо сказал И Сей, держа фонарь. У него, евнуха, был высокий голос, но звучал он четко и был так же прекрасен, как и внешность его владельца. С крыши дворца Ямей свисали фонари, но ни один из них не горел. — Евнухи внутреннего двора боятся дворца Ямей и не рискуют приближаться к нему. Нужно быть бдительными. — Почему? Коушун тоже говорил тихо, задавая вопрос. Но не потому, что он, таясь, специально заглушал голос, которым привык отдавать приказы, просто он обычно так и говорил. Глубоким, но не холодным голосом, который походил на солнце, проглядывающее зимой сквозь ветви деревьев. — Кажется, здесь бывает странная птица. — Странная птица? — Я слышал, что это большая птица, сияющая золотом. Говорят, она нападает на тех, кто хочет приблизиться ко дворцу. — О, — протянул Коушун, выглядя не особенно заинтересованным. Его глаза смотрели на угольно-черный дворец. В тихом здании не мелькал ни один лучик света, потому дворец казался заброшенным. И Сей взглянул на мужественный профиль Коушуна. — Повелитель[3], вы правда собираетесь навещать Ворона? — Именно для этого я сюда и пришел, — отрезал Коушун. Евнухи только одного человека в этой стране называли «повелителем», то есть «вашим величеством», Шоу[4]. Императора. — Я же навещаю наложницу, значит, никакой проблемы нет. — Наложница-Ворон отличается от остальных. Если вы с ней встретитесь, может случиться... Коушун тихо рассмеялся. — Вот уж не думал, что ты веришь в эти слухи, Сей. И Сей прикусил язык. — Ходит множество слухов, от правдивых до пустых, но Ворон... Коушун остановился. В конце каменной лестницы виднелась черная, как смоль, дверь. Она была наглухо закрыта, как бы отваживая посетителей. — Подробности лучше оставить на потом. Увидим ее, тогда и узнаем, мудрец она или призрак. Они ступили на каменную лестницу. Эйсей, шедший впереди, распахнул дверь, и она со скрипом поддалась. Эйсей отступил назад: из сумрака дверного проема на него что-то вылетело, пронзительно вереща. Эйсей выронил фонарь, и все вокруг погрузилось во тьму. До них доносились странный крик и хлопанье крыльев, но в темноте ничего не было видно. — Повелитель, пожалуйста, отойдите. Стоило И Сею договорить, как пронзительные звуки на секунду усилились. После этого все тут же стихло, слышно было только слабое трепыхание крыльев. Когда глаза привыкли к темноте, Коушун увидел, что И Сей держит за шею большую птицу. — Это цыпленок?.. Нечто, пойманное И Сеем и сопротивлявшееся, выглядело как круглый, жирный цыпленок. Однако его крылья словно покрыли золотой пылью, они слабо мерцали даже в темноте. — Он вас чуть не поранил. Мне его задушить? — холодно спросил Эйсей, готовый свернуть цыпленку шею. Коушун собирался было остановить Эйсея: — Нет, постой... — Отпусти Синсина, слуга. ...как из

широко распахнутой двери донесся ясный голос. Этот голос, явно принадлежавший девушке, приятно ласкал слух. Цыпленок вырвался из хватки пораженно застывшего И Сея и улетел обратно в покои. На другом конце просторной комнаты в несколько рядов висели шелковые занавески. Внезапно из щели между ними показалась белоснежная рука. Перед занавесками стоял светильник в форме лотоса, от него исходил слабый свет. В нем стало видно человека, вышедшего из-за занавесок. На мгновение Коушун и И Сей потеряли дар речи. В мягком свете стояла белолицая красавица. Юная стройная девушка. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Волосы ее стягивали кольца и нефритовые шпильки с золотыми узорами. Прелестные пионы, такие же маленькие, как лицо девушки, украшали пучки ее волос. Поражало, что ее одежды были целиком угольно-черные. Даже мантия и юбка, начинавшаяся выше груди[5], были черными. Вышитая цветами и листьями рубашка из черного сатина блестела, словно от влаги, а по юбке шел узор из птиц, клюющих цветы. Даже мантия, свисающая с ее плеч, была из черного тонкого шелка, но казалось, что в нее вшиты камни обсидиана, потому что она блестела, словно вечерняя роса. Наряд соответствовал ее прозвищу «Ворона». Сбежавший золотой цыпленок бросился на руки девушке. Она подняла свои длинные ресницы и посмотрела на И Сея. — Этой магической птице нет цены. Убьешь ее — вовек не расплатишься. Берегись же. «Удивительно старомодная речь, — подумал Коушун. — И столь же удивительное самомнение». И тут девушка перевела взгляд своих агатово-черных глаз на Коушуна. — Вижу, тебя, император, сопровождает лишь один слуга. Какой же вопрос привел тебя ко мне? Я не пойду с тобой в постель. Запомните это хорошенько. — Я посылал гонца. — Не знаю. Синсин прогнал их. Девушка опустила золотого цыпленка, Синсина, на пол. На нем был расстелен ковер с цветочными узорами. Недовольный ее словами и поведением И Сей сурово посмотрел на нее и открыл было рот, но Коушун жестом остановил его. Он прошел вглубь комнаты и остановился у стола, на котором лежала саржевая накидка из парчи. Воздух был полон запаха ладана, идущим из серебряных курильниц. — У меня есть к тебе просьба, наложница-Ворон. Выслушай меня, — сказал Коушун, садясь. Брови девушки сошлись на переносице, она и не подумала приблизиться к столу. Не обращая на это внимания, Коушун сунул руку за пазуху и выложил что-то на стол.

Уголок переводчика

[1]Наложница. Стоит сказать, что это целиком японское произведение — стилизация под Китай. В Китае сложилась многоуровневая и сложная система супругов, которая со временем менялась. На конец монархии в Китае существовало 9 рангов жен (это при том, что систему на тот момент максимально упростили). В английском переводе не уточняется, какой именно титул носила Ворон, поэтому пока будет просто наложницей.

[2]Дворец Ямей. Перевожу с английского, сверить не с чем, но иероглифы 烏 («ворона» или «черный» (вернее, «вороной»)) и 闇 (темнота) оба звучат как «я». Возможно, это игра слов.

[3]Повелитель. И Сей обращается к императору 大皇帝 (дацзя). [4]Шоу. Скорее всего, тоже одно из обращений к императору (вопрос знатокам, которые в курсе системы китайских титулов).

[5]Юбка, начинавшаяся выше груди. Жуцунь, похоже, традиционный китайский наряд, хотя из аниме, например, это не следует. И из обложки к ранобэ.

Я заранее прошу прощения: совсем не разбираюсь в китайской культуре, японская мне ближе. Если заметите какие-то ошибки — пожалуйста, напишите в комментарии.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2434525>